

И. В. Лукоянов

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, РФ

ПОЛЬСКОЕ КОЛО В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Государственная дума Российской империи была создана 6 августа 1905 г., в ходе Первой русской революции, как законосовещательное народное представительство. Манифестом 17 октября 1905 г. ей были предоставлены законодательные права, а также обещан пересмотр избирательного закона с тем, чтобы расширить круг избирателей. Несмотря на различные имущественно-сословные цензы и явное преобладание представительства великорусских губернии, власть предусматривала и присутствие в Думе депутатов от национальных окраин, в том числе и от Царства Польского. Депутаты от Польши работали в Думе во время всех её четырёх созывов (1906–1917 гг.), занимая среди других национальных групп и фракций самое видное место. В отличие от них поляки уже имели не только давно существующие политические партии, но и своё ранее действующее национальное представительство — сейм. Поэтому парламентаризм входил составляющим элементом в политическую культуру.

К моменту выборов в I Думу (начало 1906 г.) в Польше не сложилось единого мнения о российском представительстве. Если социалистические и революционные партии выступили за бойкот Думы, то умеренно-националистические и либеральные приняли активное участие в избирательной кампании. Лидером польского национального движения считалась народно-демократическая партия («Лига народная»), заявлявшая себя наследницей власти польских королей и народного правительства 1863 г. Главным пунктом её политической программы было достижение Польшей автономии как ступени к обретению полной государственной независимости. Русскую власть категорически не устраивало то, что партия выступала за полную «полонизацию» Польши и то, что в её уставе содержался раздел о нелегальной политической деятельности, который «советовал» сопротивляться неугодным зако-

нам, противодействовать русскому правительству «посредством блокировки ревностных его деятелей», вытеснить отовсюду русский язык, заменяя его польским. «Вспомогательной» организацией для народно- демократической партии считался Национальный рабочий союз, имевший в своей структуре боевой союз, занимавшийся террористической деятельностью (нападения и убийства русских чиновников в Польше). Народно-демократическая партия и победила на выборах в I Думу, её представители заняли большинство мест в Думе от Царства Польского. Ещё 5 (18) февраля 1906 г. партия опубликовала воззвание с разъяснением позиции, которой будут придерживаться её депутаты в Думе. Главной задачей перед ними ставилось быстрее достижение польской автономии, для этого «Лига народная» предполагала действовать в союзе с кадетами, но лишь до момента обретения вождеденной автономии, далее их дороги расходились. Несмотря на то, что поляки намеревались быть союзниками кадетов, они разделяли далеко не все положения их программы, в частности, они твёрдо защищали принцип частной собственности на землю и в этом были готовы солидаризироваться с русским правительством¹. Интересно, что «демократия» в названии сочеталась с выраженным национализмом и антисемитизмом на практике. Еще во время избирательной кампании, когда варшавские евреи осмелились выставить собственного кандидата в Думу, им было адресовано специальное обращение, предупреждавшее, что этим они делают себя врагами поляков: «мы не позволим, чтобы кто-либо другой, кроме поляков, проникнутых польским духом, был представителем Варшавы»². Позднее эти антиеврейские настроения лишь усилились.

Другой партией, сумевшей провести своих представителей в Думу, стала «партия реальной политики» («уголовцы»), объединявшая в основном землевладельцев. Её политические цели были значительно скромнее: «реальные политики» предполагали добиваться введения в Польше земских учреждений и национальной школы и лишь в мечтах позволяли себе думать о восстановлении сейма и культурной автономии для Царства Польского. Во время выборов в I Думу специально для участия в них был создан «Демократический союз» (Польская прогрессивная партия), пытавшийся объединить ряд национальных партий для борьбы в Думе за автономию Польши и её демократизацию. Но на выборах они не преуспели.

¹ Обзор польского революционного движения за 1906 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1675. Оп.1. Д.58. Л.47–48.

² Обзор польского революционного движения за 1906 г. // РГИА. Ф.1675. Оп.1. Д.58. Л.85.

Польское коло¹ — первая из организовавшихся национальных фракций в Думе. Уже 30 апреля 1906 г. они, воспользовавшись обсуждением ответа на тронную речь, обнародовали в Думе свою самую заветную цель — требование автономии Царства Польского от имени «всего населения нашего края»². Интересно, что под заявлением подписалось лишь 27 депутатов — далеко не все, кто входил в коло³. Нельзя сказать, что в I Думе польское коло играло видную роль. В условиях революционного собрания, каким являлся первый состав Государственной думы, полякам трудно было надеяться на то, что их практические соображения будут услышаны и нормально обсуждены в этом разногласном хоре ниспровергателей всего и вся. Тем не менее, депутаты коло нередко выступали с думской трибуны. Говорили они, как правило, от имени всей фракции. Среди поляков просматривалась строгая дисциплина (чего и близко не наблюдалось в других фракциях и группах), их позиция всегда была консолидированной. Большинство членов фракции вообще не занимали думскую трибуну, от имени коло говорили, как правило, несколько депутатов. На фоне непрерывного революционного митинга их речи отличал деловой тон и весьма конкретные и практические стремления, а не желание решить сразу все проблемы. Тактика поляков — за исключением главного для них заявления об автономии Польши — не выступать с собственными законодательными инициативами, а лишь реагировать на законопроекты, внесённые другими (или на обсуждение проблем), отстаивая собственные интересы. Оно означало, что депутаты от Польши предпочитают сохранять политическую независимость как среди фракций в Думе, так и по отношению к правительству. В условиях I Думы и осторожность, и равноудалённость выглядят вполне оправданными.

Основное внимание польских депутатов, как и всей Думы, оказалось сконцентрировано на аграрном вопросе. Их позиция была определена, по-видимому, заранее, так как уже при первых намёках на его постановку, еще во время обсуждения ответного адреса трону, депутат И. Наконечный 3 мая объявил, что для поляков «надлежащее решение аграрного вопроса» «возможно не иначе, как тем способом и на тех началах, какие будут определены органами местного са-

¹ Поляки в Государственной думе приняли такое название фракции, как и в австро-венгерском рейхсрате.

² Выступление депутата Я. Гарусевича // Государственная дума. Стенографические отчёты (далее — Стенографические отчёты). Созыв I. Т.1. СПб., 1906. С.50–51.

³ В I Думу было избрано 52 поляка (11,7% всех депутатов), но не все они входили в состав коло.

моуправления и представительным законодательным собранием края»¹. Из этого проистекало не только категорическое несогласие решать аграрный вопрос «на одних, общих для всего государства основаниях»², но и то, что для Польши допускается лишь модель: сначала — политические реформы (не просто автономия, но и тотальное преобразование всей власти в царстве) и только после этого — решение любых хозяйственных проблем. Впрочем, Дума, разгорячённая борьбой с властью, не обратила внимание на это принципиальное заявление. Замечено было лишь нежелание поляков немедленно поддержать принцип возможного отчуждения частновладельческих земель. Здесь полякам пришлось немедленно отвечать: согласие означало бы, что большинство Думы запишет их в правые, тогда возможность коло провести через эту Думу польскую автономию скорее всего будет равна нулю. Не случайно А. Парчевский сразу же отреагировал на слова трудовика Г.Н. Шапошникова, «будто бы польские депутаты не желают отчуждения земли. Это была ошибка со стороны Шапошникова». Но позицию коло по этому вопросу Парчевский не озвучил, а лишь сообщил о том, что «мы не входили в существо дела»³. Реакция Парчевского выдала скорее растерянность коло перед лицом такого вызова: защищать бескомпромиссно и открыто святость частной собственности в революционной Думе было невозможно. К счастью для поляков, и остальные фракции Думы далеко не сразу сформулировали чётко своё мнение по аграрному вопросу, поэтому у них оказалось три недели, чтобы найти приемлемое решение.

Оно прозвучало 24 мая 1906 г., когда с большой, можно сказать — программной для коло в той обстановке — выступил депутат Я.-С. Стецкий. Сообщив, что поляки «с полной добросовестностью» подготовились к участию в аграрной комиссии, он изложил мнение коло по аграрному вопросу. Напомнив Думе уже высказанную позицию, что в Польше аграрная реформа «должна всецело явиться плодом работы польского законодательного собрания», а аграрный вопрос «может быть правильно разрешён только волей местного населения»⁴, Стецкий наконец сформулировал позицию коло по поводу конфискации земли. Он нигде не высказал отрицательного отношения к этой мере и даже признал необходимость того, чтобы «право отчуждать частновладельческие земли» было предоставлено польскому сейму. Однако это была единственная уступка. Вместе с этим Стецкий заявил, что поляки любой аренде предпочитают собственность,

¹ Стенографические отчёты. Созыв I. Т.1. С.132.

² Там же. С.131.

³ Выступление 4 мая 1906 г. // Там же. С.209.

⁴ Там же. С.616, 618.

а будущее сельского хозяйства они видят в мелком землевладении¹. В связи с этим депутат подверг резкой критике идею создания общегосударственного земельного фонда, заметив, что этот фонд «не стоит в тесной органической связи с желанием увеличить площадь крестьянского землевладения», а отражает убеждение «о непригодности начала личной собственности для поднятия крестьянского благосостояния»². Такая позиция означала, что поляки категорически не принимают позицию трудовиков, но готовы искать компромисс с кадетами. Выступление Стецкого ещё раз продемонстрировало подчёркнутую самостоятельность коло, и кадеты, несмотря на близость позиций, имели много оснований быть недовольными. С ещё более выраженной критикой обсуждаемой аграрной реформы выступил 5 июня Парчевский. Заявив, что общегосударственный земельный фонд «немыслим в Царстве Польском», он признал допустимость земельной экспроприации, но только для «увеличения площади крестьянского землевладения» и с тем, чтобы право конкретного применения этой нормы было передано «местному представительству». Из выступления Парчевского легко можно было сделать вывод, что признание отчуждения земли — это уступка коло подавляющему настроению в Думе, сами же поляки ничего не собирались конфисковать. Показательна фраза Парчевского: «У нас нет таких крупных латифундий, которые существуют в центральных и восточных губерниях [России]. Поместья — большей частью незначительных размеров и являются для владельцев рабочими станками». И ещё одна фраза: «Я именно предполагаю, что именно в будущем появится разработанный законопроект о неприкосновенности собственности»³. Основные пункты позиции поляков по аграрному вопросу в I Думе были повторены без заметных изменений и во II Думе.

В остальном коло не проявляло большой активности, лишь поддержав устами своего депутата Ф. Новодворского законопроекты о свободе собраний и об отмене смертной казни. Кроме того, депутаты коло активно использовали тактику внесения запросов, связанных, в частности, с преследованиями за преподавание на польском языке.

Во II Думе из 34 депутатов от Польши 27 представляли «народовцев». На выборах во II Думу в Варшаве была создана из представителей нескольких политических партий «Народная концентрация», которая намечала кандидатов в Думу от польских губерний, что содействовало успеху национальных демократов.

¹ Там же. С.611, 614.

² Там же. С.613–614.

³ Стенографические отчёты. Созыв I. Т.2. С.980–981.

Их программа по-прежнему состояла всего из двух пунктов: самостоятельная фракция в Думе и автономия Польши¹. Однако в тактике произошли изменения. Коло поддержало правительство, проголосовав за предложенный контингент новобранцев, попутно устами депутата Г. Коница заявив: мы сражаемся «с нынешней правительственной системой, но мы не боремся ни с государством, ни с русским народом», и что коло отстаивает необходимость для России сильной армии. В выступлениях по поводу государственной росписи поляки тратили основной запал на то, чтобы доказать ущемление прав Польши на бюджетное финансирование, подчёркивая, что они не являются дотируемой территорией. Повторялись жалобы на притеснение польской школы и языка. Но в целом, коло, несмотря на критику, сделало осторожный шаг навстречу правительству. В аграрном вопросе важной новеллой стало признание Р. Дмовским того, что аграрный вопрос в Польше существует, «и малоземелье является язвой нашей жизни»². В остальном позиция коло не изменилась, может быть, только В. Грабский утверждал право на самостоятельность Польши в аграрных делах ссылкой на польскую самобытность: «социальный наш строй не имеет никакой органической связи со строем России. ... социальный строй Царства Польского ближе к строю Франции, Австрии и любого западноевропейского государства, чем к строю России»³. Весьма любопытно, что главный идеолог коло Дмовский поставил аграрный вопрос в связи с общими демократическими преобразованиями: «Аграрный вопрос может быть разрешён и основания аграрной реформы могут быть применены только после издания и введения в исполнение законов об общих гражданских свободах — о равноправии национальностей и вероисповеданий, наконец, после устройства во всей империи широкого местного самоуправления и законного установления взаимных отношений между его учреждениями и административными властями»⁴. Ему вторил Кониц: «Поляки боролись всегда не только за свою, но и за чужую свободу, и потому они и ныне настаивают на том, чтобы свободы добились не только они, но и все»⁵. Это были жесты в сторону оппозиции, но не революционной, а умеренной.

Из общих законопроектов коло всецело поддержало проект реформы местного суда с исправлениями думской комиссии (т.е. кадетский). Подчёркнутая лояльность по отношению к кадетам была вызвана, по-видимому, желанием

¹ Беседа с Дмовским // Речь. 1907. 12 апреля. С.3.

² Стенографические отчёты. Созыв II. Ч.1. Заседание 12. Стлб.742–743.

³ Там же. Ч.2. Заседание 32. Стлб.68.

⁴ Там же. Ч.1. Заседание 12. Стлб.747.

⁵ Там же. Ч.2. Заседание 43. Стлб.921.

коло заручиться их поддержкой и провести через Думу чисто «польские» законопроекты. Движение поляков навстречу было отмечено кадетами. Так, при обсуждении бюджета на 1907 г. утверждалось, что Польша платит 39% налогов на землю, собираемого со всей европейской части империи, поэтому его размер надо уменьшить¹. Но далее отдельных жестов речь всё-таки не шла о союзнических отношениях, какие кадеты поддерживали с другими национальными фракциями (например, с мусульманской фракцией или еврейской группой).

Однако позицию амбивалентности коло выдержать не сумело. Серьёзный удар по ней нанёс зурабовский инцидент. 16 апреля 1907 г. на закрытом заседании Думы, обсуждавшей размер контингента новобранцев для армии (того самого, который коло в конечном итоге поддержало), выступил социал-демократ А.Г. Зурабов, заявивший о том, что русская армия всегда будет терпеть поражения на Востоке. Резкие слова депутата вызвали шквал негодования на скамьях правых и резкое недовольство правительства, почти в полном составе во главе с премьером присутствовавшим на заседании. Инцидент был настолько серьёзен, что вопрос стоял о немедленном роспуске Думы. Решение надо было принимать немедленно. Кадеты быстро выяснили обстановку и поняли, что за удаление Зурабова из заседаний им не собрать большинства: «за», кроме них, голосовали бы только правые и центр, поляки, чья позиция приобрела решающее значение, отказались от участия в голосовании². Получалось, что они приняли сторону революционных партий. Благодаря удачным действиям председателя Думы Ф.А. Головина скандал удалось замять, но он засвидетельствовал, что кадеты и коло — не союзники.

Интересно отношение коло к революционному движению. С одной стороны, поляки прямо не осуждали его, признавая закономерность выступлений против правящего режима. Но с другой, они объявляли его реакцией на текущую политику правительства, являвшемуся наследием прошлого, намекая тем самым на ненормальность этого революционного движения в новых условиях и его связь

¹ Приложение к докладу по параграфу I отдела обыкновенных расходов по государственной росписи на 1907 г. // Российская Национальная библиотека (РНБ). Основной русский фонд. Сборник материалов, напечатанных во время сессии Государственной думы второго созыва. Л.784–790. По подсчётам самих поляков, оглашённых несколько позже, уже в III Думе, они платили поземельного налога примерно в 10 раз больше, чем население русских губерний, а на сельскохозяйственные нужды получали пособий в 150 раз меньше, чем они (Стенографические отчёты. Созыв III. Сессия 2. Заседание 74. Стлб.269).

² Записки Ф.А. Головина // Красный архив. 1926. №6 (19). С.144; Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. London, 1991. С.181.

исключительно с действиями данного кабинета¹. В начале апреля 1907 г. коло решило поддержать идею думского законопроекта об амнистии².

Равноудалённость от всех оказалась преогрышной для коло позицией, исходя из его целей. Во II Думу поляки вошли уже не только с декларацией, но и с проектами нескольких законов, в том числе об автономии Польши, о реформе государственной школы. Главный для поляков законопроект — основных положений об автономии Царства Польского был внесён в Думу 10 апреля 1907 г. за подписью 46 депутатов. Эти положения в значительной степени были основаны на опыте существования Галиции в составе Австро-Венгерской империи³. Предполагалось восстановление Царства Польского в границах 1815 г. как составной части Российской империи. В ведение поляков передавались все внутренние дела, восстанавливался сейм, правительство, собственный суд, бюджет. У имперского центра оставалась армия и международные дела, экономическое пространство (тарифы, деньги) было общероссийским. Законопроект о языке преподавания в учебных заведениях и о частичном преобразовании управления учебной частью был заявлен в Думе 12 мая 1907 г. за подписью 46 депутатов. Согласно нему предполагалось ввести во всех учебных заведениях Польши преподавание на польском языке. Для национальных меньшинств, в том числе и русских, допускалось создание национальных учебных заведений с преподаванием на родном языке. Русский язык обязательно изучался в средних учебных заведениях (всё это не касалось частных школ). В развитие этого порядка коло 2 июня внесло ещё два законопроекта. Один из них касался языка преподавания в начальной школе. 40 депутатов коло предлагали избирать основной язык по требованию родителей, русский язык как обязательный вводился со второго года обучения. Второй законопроект за подписью 39 депутатов предусматривал введение польского и литовского языков в начальных и средних учебных заведениях 9 западных губерний, если число учащихся поляков или литовцев достигало 5% и они высказывали такое желание. В отношении польской школы было предпринято ещё несколько более детальных инициатив. Однако ни один из законопроектов не был принят Думой — до их рассмотрения дело просто не дошло.

В III Думе численность коло значительно уменьшилась. Избирательный закон 3 июня 1907 г. сократил число депутатов от Польши с 36 до 14, 2 из которых

¹ Стенографические отчёты. Созыв II. Ч.2. Заседание 40. Стлб.758.

² Государственная дума. 1907. 4 апреля. С.3.

³ Павельева Т.Ю. Польская фракция в Государственной думе // Вопросы истории. 2000. №3. С.115.

представляли русское население. Официально в его состав входило не более 11 депутатов, с учётом поддержки соплеменников, избранных от других западных губерний, оно могло достигать до 18–19 человек¹. Однако они не выступали как единая фракция. Изменилась и тактика коло. Если в I и II Думах его целью было достижение польской автономии, то в III Думе эта цель уже не ставилась. Дмовский объявил, что поляк, «если он даже носит в душе идеал независимой Польши в будущем, то это ему не мешает быть хорошим гражданином русского государства, не может мешать стремиться к укреплению этого государства, если это государство будет оберегать его интересы»². Польский вопрос отныне рассматривался в коло не под углом исключительно национальных вождедений, а с учётом российских государственных интересов. «Мы ничего больше не требуем, как того, чтобы на польский вопрос смотрели исключительно с точки зрения здравого понимания русских государственных интересов»³. Для проведения реформ поляки были готовы работать вместе с противниками польской автономии. Если к этому добавить ещё и решительное отмежевание Дмовского от кадетов, то можно предположить, что новая тактика коло состояла в отказе от гласного достижения автономии в обстановке националистической и право-октябристской Думы и приглашение к сотрудничеству с октябристским большинством и — соответственно — с правительством. Действительно, в выступлениях депутатов кола доказывалось, что все обрусительные меры, предпринимаемые властью, ведут не к их цели, а к созданию в Польше недовольства властью. Например, в школьном деле⁴. Разумеется, коло не стало защитником самодержавия, просто доказывало, что своими антипольскими действиями правительство поступает неразумно, не только не достигая желаемого, но и усиливая сопротивление. Далеко не все члены коло поддерживали позицию Дмовского: Т.Ю. Павельева пишет о серьёзных внутренних разногласиях в коло в 1909 г., выплеснувшихся и в печать, но тут же замечает, что на официальных выступлениях представителей фракции в Думе это не отражалось⁵. Действительно, выступления в общем собрании Думы показывают скорее, как члены коло повторяли формулировки Дмовского. Так, коло голосовало за утверждение бюджета

¹ Там же. С.116. Возможно, данные исследовательницы преувеличены, так как по свидетельствам самих членов кола, в III Думу от 6 западных губерний не прошёл ни один поляк (Стенографические отчёты. Созыв III. Сессия 3. Заседание 104. Стлб.932).

² Там же. Сессия 1. Заседание 58. Стлб.2708.

³ Там же. Сессия 1. Заседание 58. Стлб.2710.

⁴ Там же. Сессия 1. Заседание 81. Стлб.2469–2478.

⁵ Павельева Т.Ю. Указ. соч. С.117–118.

в целом («не желая, во-первых, отказывать русскому народу в его насущных и культурных потребностях, и, во-вторых, не желая портить торжественного настроения, вызванного сведением бюджета без дефицита»), но против сметы МВД преимущественно из-за статей, которые шли на содержание «центральных и местных административно — полицейских учреждений», а также из-за стремления продемонстрировать своё негативное отношение к политике правительства¹. Тем не менее, разногласия внутри коло оказались серьёзными, они заставили Дмовского добровольно сложить с себя депутатские полномочия 23 января 1909 г.

Серьёзным испытанием для поляков явились два законопроекта, обсуждённые в III Думе — о выделении Холмщины и о введении Городового положения (городского самоуправления) в Царстве Польском. Вопрос о выделении Холмской губернии из состава Царства Польского впервые был поднят ещё в начале 1880-х гг. Н.П. Игнатьевым. Затем об этом же заговорил К.П. Победоносцев. Наконец, в 1896 г. мысль эта получила одобрение Николая II. Однако Особое совещание, созванное по этому вопросу в 1902 г., отклонило идею, а Совет министров, обсуждавший 4 апреля 1906 г. всё ту же проблему, оставил её открытой. Однако Николай II 1 июля 1906 г. поручил Совету министров вновь вернуться к этому вопросу и рассмотреть очередную петицию 30 «депутатов Холмского края» о превращении нескольких восточных уездов Седлецкой и Сувалкской губерний с преобладающим православным населением в самостоятельную губернию. Попытка П.А. Столыпина протестовать успеха не имела. Большую роль в этом сыграли систематические обращения епископа Евлогия, главы созданной в 1905 г. Холмской епархии, неоднократно поступавшие как в Синод, так и самому царю. Разумеется, правительству пришлось подчиниться и признать выделение Холмской губернии неотложным делом. Разработка соответствующего законопроекта потребовала более двух лет. Сама цель — защита православного населения от «полонизации» посредством изменения административного деления была ложной: все предыдущие успехи в борьбе за «русские начала» достигались лишь энергичной деятельностью без выделения новых административных единиц. Тем не менее, Министерство внутренних дел попыталось придать этому решению хотя бы здравый смысл. Столыпин предлагал упразднить Седлецкую губернию и создать Холмскую, но уже не в составе Царства Польского (т.е. все особенности польского законодательства

¹ Стенографические отчёты. Созыв III. Сессия 3. Заседание 52. Стлб.1882; Сессия 4. Заседание 67. Стлб.2995.

на нее не распространялись бы). По свидетельству ближайшего помощника Столыпина С.Е. Крыжановского, «мера эта имела целью установление национальной государственной границы между Россией и Польшей на случай возможного в будущем предоставления отдельным местностям упомянутой выше самостоятельности в устройении местных дел, которая в применении к Польше могла выразиться в даровании царству автономии. ... Сообразно этой мысли, при составлении проекта в состав Холмской губернии выделены были лишь местности, в которых население сохранило русский национальный облик и в большинстве было православным на деле, а не только на бумаге, и где, следовательно, при помощи некоторых мер культурно-административных можно было закрепить его связь с Россией. Те же местности, в которых население было ополячено и окатоличено явно или тайно, были оставлены за Польшей. Последовательность требовала, чтобы одновременно с сим к Польше были прирезаны, взамен отделяемых частей Седлецкой и Люблинской губерний, прилегающие части Гродненской губернии, а именно некоторые местности Бельского и Белостокского уездов, населенные поляками, чем достигалась бы основная цель размежевания. Но Столыпин на это не решился, опасаясь подвергнуться нападкам со стороны националистических кругов, которые сочли бы недопустимой уступку Польше земель, официально к ней не принадлежавших». Документы подтверждают: ведомство действовало честно, стремилось опираться на максимально надёжные данные при разделе. А резать приходилось не только по уездам — даже по гминам. Однако после внесения законопроекта в Думу 19 мая 1909 г. он был передан в комиссию и вызвал сильную критику со стороны национальной фракции. Депутаты принялись «расширять пределы будущей губернии, включая в состав ее разные местности, связанные с тем или иным историческим воспоминанием, начиная от времен Владимира Святого. И так как на стороне этой мысли стояло большинство членов комиссии, члены же ее поляки, заняли в отношении проекта позицию непримиримую вообще, то все предложения принимались. Мне (С.Е. Крыжановскому — И.Л.) пришлось присутствовать в комиссии, представляя правительство, но так как от Столыпина даны были указания не идти вразрез с желаниями националистов, то приходилось молчать, и в результате намечены были такие границы новой губернии, при которых русское, т.е. православное население оказалось в меньшинстве, не превышавшем 30%. И так как в составе большинства находились все экономически влиятельные группы и многочисленные в том крае польские помещики, то русское меньшинство было осуждено на постепенное поглощение. Таким образом, весь смысл меры, с какой бы точки зрения

на нее не смотреть, сводился на нет, и она как бы выражала собою лишь одно стремление во что бы то ни стало урезать пределы Польши»¹.

Общему собранию депутатов доклад комиссии был представлен 7 мая 1911 г. Обсуждение его началось позже, 25 ноября 1911 г. Дискуссия четко определила позиции фракций: в поддержку законопроекта выступили октябристы (за исключением небольшой группы) и все, кто был правее их; против — кадеты и другие оппоненты правительства слева. После обсуждения в законопроект был внесен ещё ряд изменений, в частности сохранены некоторые особенные законы, новую губернию передали в прямое подчинение министру внутренних дел и некоторые другие². Законопроект прошел Думу 26 апреля 1912 г. большинством в 156 голосов против 108; 4 мая 1912 г. он был передан в Государственный совет, а уже 23 июня 1912 г. утвержден царем³. Выделение из состава польских земель новой губернии и ее изъятие из состава Царства Польского означало со стороны как правительства, так и законодательных палат прямой шаг в направлении конфликта с поляками. Все жесты коло в адрес правительства и думского большинства (надо признать, слабые) были, разумеется, проигнорированы.

Также важное значение имел правительственный законопроект о введении городского положения в Польше. Поляки признавали, что такой закон очень нужен им, давно ждали его. Его суть состояла в создании курий, ограничивающих возможности евреев на участии в городском самоуправлении и дающих преимущество русским. Яронский от имени коло заявил: поляки понимают, что правительство создаёт преимущество русским и ограничивает евреев. Но они голосуют «за» (в том числе и за курии, хотя ранее, когда речь шла, к примеру, о западном земстве, были против них), потому что иначе он вообще не пройдет. Примечательно его признание, выдававшее солидарность поляков с правительством по вопросу о куриях: «Мы сознаём, что в настоящий момент вводить самоуправление в наших городах без ограничения для евреев было бы совершенно немислимым»⁴. Законопроект о городском положении в Польше подчеркнул политическое лицо коло. Депутаты-поляки были прежде всего националистами, партийная принадлежность занимала у них в Государственной думе подчинённое место. Национализм поляков носил весьма консервативный характер и состоял в защите существовавшего уклада жизни. Отношение к любым реформам или институтам рассматри-

¹ Крыжановский С.Е. Воспоминания. [Берлин, 1938]. С.133–136.

² Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. Часть 2. Законодательная деятельность. СПб., 1912. С.21–25.

³ Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968. С.147.

⁴ Стенографические отчёты. Созыв III. Сессия 5. Заседание 28. Стлб.2499–2500.

валось с точки зрения охранения этого уклада. В этом поляки разительно отличались от других национальных групп, например, еврейской или мусульманской, в которых политические вопросы были всё-таки на первом месте. Однако, если выделение Холмской губернии стало законом, то городское положение в Польше нет. В марте 1912 г. Дума передала его в Государственный совет, откуда он вернулся с рядом поправок, которые вызвали категорический протест коло. В частности, речь шла о запрете польского языка для использования даже в прениях в городских думах, а также о повышении ценза для участия в выборах. Если правительственный законопроект поляки были готовы принять, то изменения, внесённые Государственным советом, оскорбили их «народное достоинство» и допустить это коло категорически отказалось¹. Любопытно, что первоначально, на заседании фракции, поляки были готовы допустить изменения, сделанные Государственным советом, за исключением языка, да и то потому, что считали практически невозможным изгнать родной язык из местного самоуправления². Объяснение этому весьма простое: Государственный совет оставил главное — куриальную систему и серьёзное ограничение в правах евреев. Но демонстрировать свою позицию публично они не отважились. Поэтому коло обратилось к фракциям прогрессистов, октябристов и кадетов с просьбой принять законопроект о городском положении в Польше в редакции Государственного совета при условии, чтобы поляки голосовали против. Однако три фракции оставили инициативу за поляками, заявив, что они готовы проголосовать солидарно с коло (кадеты, правда, сочли изменения верхней палаты неприемлимыми в принципе)³. Поэтому через несколько дней поляки решительно заявили о неприятии законопроекта, о необходимости возвращения к правительственному варианту, сославшись на притеснение польского языка и снабдив свою декларацию изрядной долей критики правительства. Попытаться провести нужный законопроект с антисемитским духом голосами октябристов и правых было недопустимо даже для коло. Тем не менее, евреев, по их мнению, следовало ограничить в правах участия в самоуправлении потому, что «в большинстве польских городов» иначе «получится не польское, а еврейское самоуправление»⁴. Законопроект этот так и не прошёл через палаты, но не благо-

¹ Там же. Созыв IV. Сессия 1. Заседание 65. Стлб.971–972.

² Донесение Л.К. Куманина из Государственной думы 3 мая 1913 г. №222 // Вопросы истории. 1999. №6. С.22.

³ Донесение Л.К. Куманина из Государственной думы 4 мая 1913 г. №228 // Там же. С.25

⁴ Донесение Л.К. Куманина из Государственной думы 7 мая 1913 г. №230 // Там же. С.26–28.

даря коло, а потому что октябристы и националисты не оказались заинтересованы в его немедленном осуществлении. То есть, курс коло на разрыв с кадетами и сближение с октябристско-умеренно-правым большинством и опосредованно — правительством обернулся лишь неудачами.

Несмотря на незначительность представительства Польши в народном представительстве, выборы в IV Думу показали рост интереса к ней польского общества. Отчасти он был связан с надеждами на успех прогрессистов, которые несколько потеснили лидерство октябристов, а также злорадство по поводу скромного результата кадетов. По-прежнему доминирующая в Польше национально-демократическая партия шла на выборы под лозунгом борьбы с евреями. В Варшаве от имени сторонников Дмовского распространялось воззвание: «Соотечественники! Поклянёмся, что если евреи победят при выборах, не будем покупать у них ни на грош»¹. IV Думе численность коло ещё уменьшилась. В него входило всего 9 депутатов. Коло состояло исключительно из национал-демократов. Поляки проиграли выборы в Лодзи (избран еврей М. Бомаш) и Варшаве (поляк Е. Ягелло, избранный голосами выборщиков-евреев, примкнул к социал-демократам). До начала войны поляки по-прежнему занимали умеренную позицию в отношении правительства. Критикуя власть за отсутствие подвижек в польском вопросе, они всё-таки ждали от неё реформ, в частности, надеялись добиться принятия городского положения в правительственном варианте, а также земского самоуправления². В кулуарах Думы после оглашения В.Н. Коковцовым правительственной декларации Дымша говорил более откровенно, что по внутренней политике «мы имеем несомненный плюс». Устраивала коло и внешнеполитическая деятельность. Только обещание распространить на Польшу земское самоуправление казалось явно недостаточным: «Это несомненный регресс даже по отношению к столыпинской декларации»³. Поляки желали получить ещё «признание польской народности и польского языка»⁴. Коло по-прежнему не вспоминало требование автономии и было готово довольствоваться реформами. Но констатируя, что правительство совершенно не склонно менять свою политику в отношении Польши, депутаты выражали опасения, что

¹ Варшавский генерал-губернатор — А.А. Макарову 6 ноября 1912 г. // РГИА. Ф.1327. Оп.2. Д.241. Л.26–27.

² Например, выступление М. Кинорского в ответ на декларацию кабинета (Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия 1. Заседание 8. Стлб.349–356).

³ Донесение Л.К. Куманина из Государственной думы 5 декабря 1912 г. №80 // Вопросы истории. 1999. №2. С.15.

⁴ Донесение Л.К. Куманина из Государственной думы 13 декабря 1912 г. №91 // Там же. С.20.

она может получить продолжение не в реформах, а в принятии антипольских мер. Своих законопроектов коло уже не предлагало. В выступлениях его членов звучали уже трагичные и истерические нотки: «если и теперь нет места для программы, приемлемой для польского общества, — не есть ли это признак, что вообще весь этот вопрос находится под сильным сомнением. Такое положение этого дела, конечно, влечёт за собою неизбежные исторические последствия, с которыми не может не считаться самым серьёзным образом польский народ»¹. Малочисленность фракции не давала ей шансов даже на проведение запросов.

Несмотря на неудачи в III Думе, коло продолжало держаться прежней линии. От кадетов поляки предпочли резко отмежеваться, чем сорвали аплодисменты с правых скамей (редкий прецедент для предыдущих созывов)². Возможно, такое отношение объясняется левением кадетской партии на фоне растущего антиправительственного движения, поляки же были совершенно не склонны следовать за ситуацией в России. Вряд ли бы они дождались результата, если бы не война и не поражения русских войск в 1915 г. Лишь продвижение немецких войск вглубь Польши заставило правительство объявить 19 июля 1915 г. о подготовке правил особого устройства Царства Польского (т.е. автономии, если избегать эзопова языка)³. Коло немедленно устами депутата Гарусевича выразило чувство «глубокой благодарности» Николаю II и подтвердило своё желание поддерживать войну до победы⁴. После этого о какой-либо оппозиционности поляков российскому правительству можно было забыть. К этому времени численность коло значительно уменьшилась — с 9 до 4 депутатов. Причины были разные: в июне 1914 г. от своих мандатов отказались М. Кинорский и И. Свежинский, в 1915 г. двое членов коло умерли (29 марта — И. Наконечный, 18 ноября — Г. Дымша), 12 сентября 1915 г. из состава коло был исключён М. Лэмпицкий. Депутаты коло не вошли в состав Прогрессивного блока, созданного в августе 1915 г. (как раз в эти дни немцы взяли Варшаву). Но коло вновь заявило о необходимости войны до победы, а успех немецкого оружия они использовали как повод напомнить, что «не надлежит откладывать оповещения точного определения нового устройства Царства Польского», что «Польша под скипетром русского царя будет пользоваться благами национальной и полити-

¹ Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия 1. Заседание 13. Стлб.832.

² Выступление Я. Гарусевича (Там же. Заседание 75. Стлб.2067–2068).

³ Ему предшествовало создание специального совещания об устройстве Польши, в который наряду с министрами были включены и депутаты Думы (как бывшие, так и действующие) Гарусевич, Грабский, Дмовский, Дымша.

⁴ Стенографические отчёты. Созыв IV. Сессия 4. Заседание 1. Стлб.86.

ческой свободы»¹. Не поддержали поляки и ноябрьский 1916 г. «штурм власти» в Думе, ограничившись напоминанием о необходимости обнародовать будущее устройство уже Польского королевства, ссылаясь на немецкие обещания независимости Польши². Удивительно, но к тому времени правые критиковали правительство значительно более резко, чем коло.

В целом политические позиции коло в I-IV Думах оказались нетипичны для других национальных фракций и групп, склонных к оппозиции власти. Коло, стремясь к независимой позиции, никогда не противостояло правительству, а со временем всё более стало прислушиваться к его точке зрения. Однако эта тактика как в I-II, так и в III-IV Думах не принесла полякам какого-либо успеха. Изменение позиции самодержавия по отношению к Польше (обещание автономии) было связано исключительно с Первой мировой войной.

¹ Там же. Сессия 4. Заседание 4. Стлб.250.

² Там же. Сессия 5. Заседание 7. Стлб.373–376.